

даже превращения ее в символ. Благодаря этому и показалась книга Свифта «вечной», а некоторым — даже близкой нашей идеологии.

Понятно, «Гулливер» нам никак не близок. Мнимые же его подобию (обычная многозначимость символа) обязывали редактора особенно остро ощущать исторический смысл книги, показать ее социальную роль — политическую и литературную; примечаниями — перекрыть и дезавуировать каждый шаг Свифта. Никто из трех участников издания «Academia» этого не сделал. Другие же издательства, соблазнившись славой романа и не подумавши о смысле ее, выпустили безответственные книги, в лучшем случае оставляющие читателя в полном недоумении.

Теодор Левит

Апулея, Платоника из Мадавы «ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ» (ПРЕВРАЩЕНИЯ) В одиннадцати книгах. Перевод М. Кузьмина. Статья и комментарии Адр. Пиотровского. «Академия». Л. 1929 г., XLVIII+344 стр., ц. 2 р. 40 к.+90 к., 5 000 экз.

Роман Апулея принадлежит к числу любопытнейших книг античного мира. Не говоря уже о том, что книга является самым доподлинным, широко развернутым романом со вставными рассказами, психологическими рассуждениями и мотивировками, бытовым материалом, любовной интригой и т. д., «З. о.» замечательный объект для изучения культурно-исторического быта в самом широком смысле этого слова. В «З. о.» перед нами Римская империя времен высшего расцвета внешнего могущества, распад которого уже близок. Античная рабовладельческая культура, весь стиль ее, тематика, образы для нас давно мертвы и похолодели. С тем большим любопытством можем мы анализировать один из самых пышных цветов ее.

И этот мир — какое-то кривое зеркало истории — любопытен прежде всего пестротой. Вот ведьмы — они не просто вынимают сердце у живого человека, но еще и плутуют: затыкают ему рану губкой, так что, когда он пьет, губка

разбухает, вываливается, и человек умирает. Вот прорицатель — он такой же мелкий мошенник, как и ведьмы: он предсказывает клиенту всяческие блага и тут же, в разговоре с приятелем, жадуется на бедствия, постигшие его во время путешествия. Система плутовства и надувательства разрастается. В городе, куда попадает герой, ежегодно справляется праздник смеха. Именитые горожане пользуются тем, что герой накануне праздника возвращается домой очень поздно. У самых дверей видит он трех дюжих парней, ломящихся в дом. В схватке герой всех трех убивает. Его ведут на суд, уже грозит пытка. Тут выясняется, что им убиты виновные бурдюки.

Апулей настолько убеждает читателя в прочности и повсеместности этой системы обмана, что лирический конец книги — возвращение обращенного в осла героя обратно в человеческий образ и обращение его на путь истинный — звучит насмешкой. Тут дело не в том только, что таинства Изиды для нас пустое место. Норма надувательства, бюрократического затуманивания, на котором было построено все казенное благополучие необъятной Римской империи, обнаружат, наверное, против воли автора, всю ткань романа. Книга неожиданно становится обличительной. Благодаря этому она из иллюстрации к каким-то главам римской истории превращается в ценное пособие. При этом иллюстрационной ценности она не теряет. Профессионально-зоркий взгляд автора замечает и причудливых людей и со значительно большим удовольствием подробности материального быта: формы женских причесок, композицию статуй. «З. о.» хороший натуралистический роман.

Значительна книга еще одним: Апулей стремился написать занимательную вещь — роман для легкого чтения. Для этого в текст, пересказывающий достаточно забавные приключения и размышления о них героя, вводится бесчисленное количество более или менее крупных новелл, начиная от обошедшей

все, кажется, языки сказки об Амуре и Психее до грубых бытовых анекдотов. Роман кишит эмбриональными и вполне развитыми странствующими сюжетами. Читатель находит здесь и бытовую обработку сказания о Федре, новеллу, которую потом перескажет Боккаччио, и детективную повесть, которую английские елисаветинцы переработают в трагедию.

Но не только литературным и сюжетным материалом полон роман. Апулей приводит ряд интереснейших сведений о технике и материале ведовских операций и языческого богослужения. Читатель видит, как живуча система суеверий или игры на них. Принцип построения например, представления о суде Париды, почти тождествен принцип построения католического рождественского обряда, особенно средневекового.

К сожалению, весь этот материал лежит втуне. О том, чтобы потщательнее запрятать его от читателя, постарались и переводчик и комментатор. Издавать Апулея в наши дни в качестве легкого романа — вредная роскошь. Зато «З. о.» был бы вполне мыслим как предлог для развернутых, обильных реальным материалом, комментариев. Комментариями пышно именуются данные в книге скудные примечания; имеющиеся в них сведения по большей части можно было бы найти в любой однотомной энциклопедии. Сверх общеизвестности примечания часто неверны, а в интересных местах вообще отсутствуют. Примеры: «Поверье о чудовищах гарпиях, якобы уродующих трупы, довольно загадочно. Возможно, что оно было местно-фессалийским» (323—4). Использование частей трупов полна вся магическая практика средневековья (высушенная рука повешенного, свеча из жира мертвеца и т. д.). Здесь место для любопытнейшей справки о природе магии, об анимизме и т. д.

«Закинф — остров в Ионийском море у западного побережья Греции» (333). Что узнает читатель из этого примечания? — А речь идет о важном стратегическом и торговом пункте — острове

Занте. «Не прошло и минуты, как приготавливаются по греческому обычаю огонь, колесо и всякого рода плети», — пишет Апулей (58). Здесь возможна справка о технике пытки, о судопроизводстве античности. А кодифицировавшаяся именно в те времена право лежит и по сей день в основе многих европейских законодательств. Примечание к этому месту отсутствует.

О мелочных недостатках перевода, о том, например, что героя зовут «Луций» вместо правильного «Лукий», не стоит упоминать. Стиль: «Уже он склонялся к разговору и шуткам, уже раздавались остроты и шум болтовни, как вдруг, испустив из глубины груди мучительный вздох и хлопнув яростно правой рукою по лбу — О, я несчастный! — воскликнул он, — предавшись страсти к гладиаторским зрелищам, достаточно пресловутым, в какие бедствия впал я!» (7—8). «Можно было принять за узловатый жезл врачебного бога с полуотрубленными сучками, который обвила любовными извивами змея плодородия» (5—6). Неискушенный читатель может подумать, что в этих местах перепутан набор. Опечатки здесь не при чем. Просто Кузьмин вместо перевода представил издательству подстрочник, вроде блаженной памяти манштейновых ключей к латинским авторам, которыми мучили в гимназиях. Издательство недосмотрело. А читатель должен страдать.

Мигуель де-Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго „Дон-Кихот Ламанчский“. Перевод под редакцией и с вступительными статьями В. А. Кржевского и А. А. Смирнова, введение П. И. Новицкого. 67 иллюстраций. Том первый. «Academia». Л.—1929 г., ХСVI+846 стр., ц. 4 р. 80 к.+85 к., 10 000 экз.

Кажется, Гете говорил о том, что каждая эпоха имеет своего Гамлета. Эти слова в значительно большей степени применимы к ослепительному роману Сервантеса. «Дон-Кихот» одна из немногих книг мировой литературы, окончательно утративших автора: ее читали все, но вряд ли десятая часть в детстве смеявшихся над приключениями